

Глава 7

«ЛАС КАЛАВЕРАС»: МРАЧНАЯ САТИРА

Несмотря на то что колониальная эпоха осталась далеко позади, тематика *dance macabre* и пляшущие скелеты плотно укоренились в визуальной культуре Мексики и стали визитной карточкой этой страны намного позже.

После кровопролитных событий конца XIX — начала XX в. и Революции 1911–1917 гг. в мексиканском обществе возникла необходимость найти некий фактор национального объединения и самоидентификации. Именно в этот период мрачные католические образы *dance macabre* превращаются в нечто своеобразное и веселое, что перекликается с идеей пира во время чумы.

Несколько ученых считают, что примерно с 1900 г. уникальные особенности Дня мертвых стали переплетаться с более

Скелеты (калаверы), едущие на велосипедах. Рисунок Х. Г. Посада, 1891 г.

политизированной традицией рисунков на плакатах и в дешевых газетах. Эти рисунки легли в основу городской печатной культуры социально-политических хроник и сатиры, ориентированной на широкие народные массы. Они не только рассказывали о повседневной жизни, но и разоблачали коррумпированность и лицемерие правящей элиты режима Порфирио Диаса¹⁰³.

В День мертвых или в ближайшие к нему даты газеты публиковали так называемые калаверас (calaveras) — в буквальном переводе «черепа». Они содержали сатирические баллады и стихи о политиках, буфетчицах и бизнесменах и были иллюстрированы гравюрами «веселых и полных жизни скелетов и черепов со скалящимися зубами, танцующих, катающихся на велосипеде, играющих на гитаре, занимающихся ремеслом, пьющих и участвующих в маскарадах»¹⁰⁴. В обстоятельствах, редко допускавших политическое инакомыслие, эти сатирические гравюры представляли собой форму выражения народного сопротивления¹⁰⁵.

Значительный вклад в бульварное искусство las calaveras внес Хосе Гуадалупе Посада. Хотя его творчество обширно, День мертвых предоставил ему новые творческие и коммерческие возможности. Посада стал наиболее известен своими «калаверами», в которых скелеты и черепа наделены карикатурной жизненной силой.

Хосе Гуадалупе Посада Агилар родился 2 февраля 1852 г. в городе Агуаскальентес. Читать, писать и рисовать его учил старший брат, школьный учитель. В 1871 г. стал публиковать политические карикатуры в местной газете El Jicote («Шмель»). После закрытия газеты, задевавшей власть, Посада переехал в Леон. Открыл лавку гравюр, литографий, книг с иллюстрациями, афиш и подобной продукции. С 1883 г. стал преподавать искусство литографии в городском училище. После наводнения 1888 г. и краха его торговли переехал в Мехико. Работал в либеральной

газете *Patria Ilustrada*, которую издавал дед будущего знаменитого мексиканского деятеля культуры Октавио Пас^{*}.

Во время своей работы газетным иллюстратором Хосе Гуадалупе Посада вскоре проявил себя как выдающийся рисовальщик, часто противоречивший правилам мексиканской академической живописи, действовавшим до первых лет XX в. Однако его лучшие навыки находили выражение в гравюре и прежде всего в новой, более грубой и энергичной технике — литографии, так как Хосе Посада был отличным гравером по металлу.

Калавера Мадериста. Рисунок Х. Г. Посады, впервые опубликован в 1944 г.

Хосе Посада создавал иллюстрации и политические карикатуры в различных типографиях и некоторых газетах. В своей плодотворной творческой жизни он подвергался преследованиям

^{*} *Октавио Пас* (1914–1998) — мексиканский поэт, публицист, культуролог, переводчик, дипломат.

и нападкам из-за хлесткой честности, критиковавшей и осуждавшей зверства и несправедливость, совершенные режимами, правившими страной.

С начала мексиканской революции 1910 г. до своей смерти в 1913 г. Хосе Посада неустанно работал в прессе, ориентированной на рабочий класс. Его ранние работы, выполненные в мастерских и небольших типографиях, дали ему возможность развить мастерство рисовальщика, гравера и литографа. В то время он создал несколько сатирических иллюстраций, которые появились в журнале *El Jicote*. Он критиковал правительство Франсиско Мадеро и кампании, проводимые Эмилиано Сапатай¹⁰⁶.

Он иллюстрировал различные события из политической и религиозной истории, рисовал карикатуры на самых разных персонажей: революционеров, политиков, пьяниц, хулиганов, разбойников, элегантных дам, тореадоров и простых рабочих. В том числе и в жанре «калаверас».

«Лас Калаверас» Посады являлись не только ответом на репрессии и несправедливости, совершаемые правительством. Помимо этого, «калаверас» представляли собой насмешку над коренными жителями, разбогатевшими во времена порфириата: те презирали свое происхождение и обычаи, копируя европейскую моду¹⁰⁷.

В рамках этих карикатур сформировался еще один культовый персонаж, ставший визитной карточкой Мексики. Речь идет о Калавере Катрине — «светской львице» в мире мертвых. Она представляет собой скелет дамы, облаченной в пышное платье, с роскошной шляпкой на черепе. Так ее описывают: «Череп, любящий повеселиться. Сегодня девы в своих лучших праздничных нарядах, а завтра они будут лишь упокоившимися с миром скелетами»¹⁰⁸.

Калавера Катрина. Рисунок Х. Г. Посады, около 1910 г.

Калавера Катрина являет собой более современную интерпретацию мотивов *vanitas vanitatis* и *memento mori*, которые были популярны в более ранние периоды. Однако мрачный флер сменился на праздничные настроения, а устрашающий оскал черепа стал улыбкой. Сами мексиканцы говорят, что «черепа скалятся на нас, потому что они смеются вместе с нами». Как известно, самый эффективный ответ на страх — это смех. Поэтому после кровавых перипетий начала XX в. мексиканцы начали смеяться над смертью просто потому, что устали ее бояться.

Ученые согласны с тем, что стойкое изобразительное влияние танцующих скелетов и кокетливых Катрин Посады на мексиканскую визуальную культуру и популярное искусство связано с тем, что после смерти Посада был признан «предтечей современного искусства в Мексике» не только мексиканскими, но и иностранными искусствоведами. Мексиканские художники-монументалисты Диего Ривера и Хосе Клементе Ороско, а также французские художники Жан Шарло и Андре Бретон были теми, кто продолжил нести наследие Посады в массы. Со временем

творчество мексиканского художника стали рассматривать как источник вдохновения для мексиканского модернизма, сюрреализма и популистского понимания искусства, что органично наложилось на революционную и постреволюционную идеологию и представления о национальной идентичности¹⁰⁹.

Неудивительно, что к 1930-м гг. Посада и его «калаверас» буквально превратились в символы Мексики, а скелет получил статус некоего национального тотема. В течение XX в. и особенно в последние десятилетия иконографическое влияние Катрины вышло за рамки художественного признания и контролируемой государством национальной идеи. Оно буквально захватило коммерческий мир туризма и маркетинга, что часто приводило к стилизации оригинальных графических образов. В самых общих чертах это означало, что наряду с символическими проявлениями, связанными с Днем мертвых, очеловеченные «жизнерадостные» черепа и скелеты Посады стали частью обширного культурного и иконографического резервуара Мексики¹¹⁰. Они сформировали две различные, хотя и связанные традиции погребального искусства, которые иностранцы часто приводят к «общему знаменателю» и называют мексиканским культом смерти. В современной панораме подобное обобщение происходит даже в представлениях самих мексиканцев¹¹¹.

Подобные тенденции чреваты проведением параллелей, которые либо не существуют вовсе, либо не так прямолинейны. В современных реалиях очень соблазнительно сопоставлять «лас калаверас» Посады с культом Санта-Муэрте. Не стоит воспринимать эти феномены как проявления какого-то глубокого культурного мотива. Хотя следует отметить, что некоторые значимые и динамические связи между ними прослеживаются. Эти связи являются не непосредственным выражением какой-либо культурной сущности, а скорее результатом действия конкретных социальных и политических сил, что позволяло существующим образам и представлениям кочевать из одного слоя в другой

Современные фигурки Калаверы Катрины

и трансформироваться в процессе. Иными словами, помпезные церемонии погребения знати и мрачные сюжеты, призывающие помнить о смерти, превратились в мрачную, но веселую сатиру, которая, в свою очередь, послужила толчком для нового этапа поклонения культу, долгое время находившемуся в тени, — Ла Сантиссима Муэрте. Информацию об этом культе долгое время можно было почерпнуть только из маленьких молитвенных брошюр или лично от последователей культа¹¹².

С 1980-х гг. Катрина, будучи объектом культурной торговли, ориентированной на местного потребителя и иностранных туристов, все чаще представляется как трехмерная фигура, в отличие от привычного двухмерного образа, характерного для газет и плакатов. Считается, что это послужило толчком для появления трехмерных изображений Санта-Муэрте, перед которыми совершались молитвы. Фривольные человеческие качества Калаверы Катрины, такие как ее любовь к красивой одежде, сигарам и текиле, смешались с божественной силой религиозных верований в Ла Сантиссима Муэрте.

Это проявляется и в более глобальном восприятии смерти как великого уравнивателя, и в представлениях о хрупкости жизни, истоками которых служили колониальные образы пляски смерти, что без разбора уносила жизни во времена массовых демографических спадов. В конце XIX в. социальные и политические противоречия стали основой, на которой выстраивали символическую силу смерти. Одетые скелеты Посады показали производственную и насильственную природу социального неравенства. Поэтому сейчас, в XXI в., последователи новейших религиозных течений, таких как культ Санта-Муэрте, напоминают любому, что «безмерная сила этой святой воплощается в ее великой уравнивающей способности, тем более в таком глубоком неравном обществе, как неолиберальная Мексика, ибо смерть стирает различия между богатыми и бедными, принятыми в общество и изгнанными из него, неолиберальным магнатом и уличной торговкой, метисами и коренными жителями, преступниками и законопослушными гражданами»¹¹³.

Двадцатое столетие для Мексики ознаменовалось не только формированием культового образа страны на международном культурном рынке, визитной карточкой которого стали веселые скелеты Хосе Гуадалупе Посады, и в частности Калавера Катрина, но и зарождением отслеживаемых истоков новейшего религиозного культа Санта-Муэрте. Кроме того, этот культ плотно

обосновался и в религиозно-криминальной истории Мексики наравне с некоторыми другими.

Данный случай, о котором пойдет речь, не относится напрямую к так называемому мексиканскому культу смерти, однако он является яркой репрезентацией темной стороны жизни мексиканской глубинки, население которой находилось в физической, образовательной и религиозной изоляции. К тому же данный случай часто вспоминают в рамках дискуссий о неопанизме (неоязычестве) в мексиканской культуре в качестве самого раннего примера. Но, как мы уже поняли, в культурной истории Мексики все не так однозначно и просто.

Информации об этой откровенно криминальной истории в открытых источниках крайне мало, и на данный момент очень сложно выяснить, что из сведений является правдой, а что — ложью, порожденной слухами и народной мифологией. Тем не менее случай, вошедший в историю криминалистики как культ кровавой жрицы, или культ Коатликуэ, является одним из самых резонансных в истории Мексики XX в.

События, о которых пойдет речь, происходили в 1960-е гг. в поселении Йербабуэна, штат Сан-Луис Потоси. Это была закрытая сельская община, находящаяся у подножия гор и практически изолированная от внешнего мира. Деревня даже не имела собственной церкви и не относилась ни к какому приходу, что, как можно судить по предыдущим главам, играло большую роль в самосознании местных жителей¹¹⁴.

Все началось, когда в этой глуши появились два чужака. Ими были братья Эрнандес по имени Сантос и Кайетано. Их основным родом деятельности было мелкое мошенничество, однако в Йербабуэне братья решили «сыграть по-крупному» — воспользоваться необразованностью местных жителей и их потребностью в самоидентификации и осознании причастности. Именно поэтому братья выбрали для проведения своей схемы бедную деревушку, жителям которой, казалось, было

совершенно нечего им дать. Однако мошенники были заинтересованы не столько в материальной, сколько в духовной составляющей, так как необразованной массой людей, желающих лучшей жизни и сопричастности к чему-то большему, проще всего управлять.

Братья Эрнандес представились жителям Йербабуэны как жрецы могущественного божества древних инков. Разумеется, отсутствие образования жителей Йербабуэны сыграло им на руку: никто не задался вопросом, что служители южноамериканского культа могут делать в мексиканской глубинке. Поверхностных знаний об абстрактных индейских культурах, живших на территории Мексики в древние времена, для местных жителей было вполне достаточно, поэтому никто не раскусил обман¹¹⁵.

Жителям общины, которая на тот момент насчитывала, по разным источникам, от 50 до 70 человек, братья пообещали открыть место, где хранятся «несметные сокровища древних инков». Взамен они потребовали дань в виде пищи и алкоголя и церемоний в свою честь. Усомнивших и предателей «жрецы» клялись подвергнуть «страшной каре»¹¹⁶.

Может возникнуть совершенно справедливый вопрос о том, как в принципе действовала данная секта, ведь ни у ее предводителей, ни у последователей не было материальных средств на вещества, которые употреблялись в больших количествах в рамках «религиозных церемоний». Братья Эрнандес решали этот вопрос через молодых последовательниц культа: их увозили в соседние, более крупные городские центры для занятия проституцией. Именно в данной прослойке общества Сантос и Кайетано встретили ту, которая впоследствии возглавит их культ.

Когда среди адептов культа возникли совершенно справедливые сомнения о том, что «жрецы» вовсе не собираются выполнять свою часть сделки и показывать скрытые сокровища, Сантос и Кайетано решили: в культ нужно привнести нечто, что даст людям веру. А именно персону, которая станет главным оплотом

Статуя Коатликуэ

этой веры. Так, во время пребывания в городе Монтеррей они познакомились с 16-летней Магдаленой Солис — девушкой с низкой социальной ответственностью из маргинальных слоев, которая уже несколько лет жила за счет проституции. Они предложили Магдалене центральную роль в своей афере, а именно роль ожившей богини. И Магдалена согласилась¹¹⁷.

В поисках образа для богини они обратились к ацтекской мифологии. Магдалена должна была предстать в образе богини Коатликуэ, однако это не имело под собой никакой исторической достоверности. Братья выбрали этого персонажа только из-за того, что имя богини в то время было на слуху из-за открытия публике колоссальной статуи Коатликуэ, которая на данный момент хранится в экспозиции Национального музея антропологии и истории г. Мехико.

Коатликуэ (науатль Coatlicue — «Она в юбке из змей») — богиня земли, которая одновременно отождествляется с началом и концом жизни. Она считалась матерью всего живого, в том числе и людей, а также подательницей плодородия.

Согласно мифологии ацтеков, Коатликуэ является матерью Уицилопочтли — бога солнца, войны и одного из верховных божеств пантеона ацтеков, а также Койольшауки и братьев Сенцонуинауа, которые впоследствии стали божествами луны и звезд соответственно.

Коатликуэ — это сама земля, великая праматерь, которая порождает людей, а после смерти принимает их обратно в свое лоно¹¹⁸.

В одной из пещер, где проходили «церемонии» сторонников культа, братья Эрнандес представили общине Магдалену как воплощение богини. Все действо сопровождалось стуком барабанов, дымом и зеркалами — в буквальном смысле. Прием фасцинации сработал: как на жителей, так со временем и на саму Магдалену, у которой на фоне новой реальности стал развиваться религиозный психоз. Она действительно считала себя богиней и жестоко карала тех, кто рано или поздно начинал сомневаться. Авторитет Магдалены был настолько велик, что сами жители Йербабуэны сдавали богине и ее жрецам своих соседей, близких и друзей, если подозревали их в неверности культу¹¹⁹.

Тем не менее вскоре регулярные встречи показались Магдалене показались недостаточными. Вспомнив, что древние индейцы славились принесением кровавых жертвоприношений путем вырывания сердца, она решила привнести данный элемент в свой культ. Кровавым экзекуциям подвергались как добровольные жертвы из числа местного населения Йербабуэны, так и те, кто осмеливался высказывать сомнения или недовольство богиней и жрецами или же пытался сбежать. Так, первыми жертвами культа стали два крестьянина, которые были скручены своими же соседями при попытке покинуть Йербабуэну. Их останки были найдены на окраине Йербабуэны вместе с другими жертвами культа¹²⁰.

О том, как властям стало известно о деятельности кровавого культа, доподлинно неизвестно, а общепринятая версия больше кажется легендой, которая, впрочем, повторяет традиционный мезоамериканский сюжет. Согласно этой версии, в мае 1963 г. 14-летний юноша Себастьян Герреро направлялся в школу мимо тех самых гор, пещеры которых служили церемониальными местами для культа кровавой богини. Услышав непонятный шум в одной из пещер, мальчик подошел ближе. Заглянув внутрь пещеры, он застал ужасающее зрелище очередного ритуала, проводимого Магдаленой, которая пила кровь своей жертвы. Охваченный страхом, Себастьян добежал до полицейского участка и рассказал стражам порядка о том, что видел, однако те ему не поверили. Один из полицейских вызвался отвезти мальчика, куда тому было нужно, но тот упрямился по дороге все-таки свернуть к горным пещерам и самому убедиться в том, что Себастьян говорит правду. После этого ни мальчика, ни полицейского живыми больше никто не видел¹²¹.

После исчезновения коллеги полицейский департамент все же решил осуществить проверку в Йербабуэне. По одной из версий, на помощь даже призвали вооруженные силы. Эта деталь кажется еще большей фантастикой, чем вся история

в целом; вполне вероятно, что это вымысел. Тем не менее, когда полицейские отряды прибыли в Йербабуэну, на окраине поселения они обнаружили останки шести жертв культа, среди которых опознали пропавших полицейского и подростка, сообщившего о жутком ритуале в пещере. Магдалена была обнаружена в одной из хижин, она была взята под стражу вместе со своим старшим братом Элеазаром¹²².

Однако жители деревни были не настроены быстро сдаваться. Вооружившись ружьями, они забаррикадировались в горах и стали отстреливаться от полицейских. В перестрелке погиб Сантос Эрнандес. Его брат Кайетано погиб несколькими днями ранее от руки одного из фанатиков, который надеялся через убийство одного из «жрецов» обрести частицу божественного естества. В результате перестрелки большинство членов культа было убито, остальные заключены под стражу. Но даже под следствием они отказывались свидетельствовать против Магдалены. Было ли это следствием глубокой преданности фальшивой богине или же панического страха перед ней — неизвестно¹²³.

Из-за отказа задержанных сторонников культа свидетельствовать против Магдалены ей и ее брату Элеазару инкриминировали только два убийства: 14-летнего Себастьяна Герреро и полицейского, который сопровождал его. Данные о конечных сроках заключения разнятся: в одних источниках указывается, что Магдалена и Элеазар были приговорены к 30 годам каждый, в других — к 50 годам. Как бы то ни было, после судебного процесса следы кровавой жрицы теряются, и о ее дальнейшей судьбе информации нет.

Данный инцидент больше походит на сюжет фильма ужасов, нежели на события, происходившие в действительности. Однако, несмотря на всю фантастичность и малое количество сведений в широком доступе, культ, возглавляемый Магдаленой Солис и братьями Эрнандес, действительно существовал. Главной

причиной успеха данного предприятия послужила уязвимость местных жителей Йербабуэны ввиду их необразованности, отсутствия церкви как института морали, а также нереализованной потребности в принадлежности и ощущении причастности к чему-то большему, чем жизнь их общины.

Вряд ли можно считать случай культа Коатликуэ — Магдалены Солис первым свидетельством мексиканского неопанизма ввиду того, что основной целью организации данного религиозного движения была исключительно корыстная нажива со стороны братьев Эрнандес. Религиозный психоз, в котором после пребывали и организаторы, и последователи секты, является скорее следствием, чем первопричиной. Поэтому теории о том, что данный случай — первая попытка воссоздать старую религию и старых богов и что он корнями уходит в доиспанскую древность, не выдерживают никакой критики. Хотя бы потому, что ни сами братья Эрнандес, ни Магдалена не ставили своей целью соответствие исторической достоверности.

Прежде всего этот культ является частью длинной череды локальных мексиканских религиозных движений, история которых насчитывает сотни лет. Иногда во главе этих движений стояли харизматичные лидеры, такие как северный целитель XX в. Ниньо Фиденсио или мистик из индейцев отоми XVIII в. Франсиско Андрес. Нередко внимание концентрировалось на изображениях или иконах народных святых по типу уже упомянутого Сан-Паскуаля Байлона. Некоторые представляют мертвых героев, таких как революционер Панчо Вилья. Другие разместились на границе истории и мифов, как казненный солдат Хуан Сольдадо. Некоторые по-прежнему изображают христианских святых через призму локальных религиозных традиций, — например, Тату Чу, переделанный образ Христа из штата Оахака. Все эти культы концентрировались вокруг разных личностей или явлений, но все они представляли собой преднамеренные, организованные, сознательные усилия членов

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

